Ю.Нисневич

РОССИЙСКИЙ ТРАНЗИТ

«…несмотря на справедливую критику либерализма, его внутренняя правда неуязвима, ибо это правда не теоретическая, не научная, не рассудочная; она совсем другой природы и ей принадлежит решающее слово: ***это правда судьбы****»*

Хосе Ортега-и-Гассет

В политической науке термин «транзит» обозначает синоним процесса «перехода» развивающихся государств к современному уровню развития.

Современная Россия, в которой с конца XX века начался процесс глубоких политических и социально-экономических преобразований как результат коллапса и последующего краха тоталитарного коммунистического режима, который М.Кастельс достаточно нетривиально оценивает как наиболее концентрированное проявление индустриального этатизма[1], относится в сравнении с индустриально развитыми странами Запада и Востока к группе развивающихся, переходных государств. При этом все политические режимы, сменявшие друг друга на протяжении последних десятилетий российской истории, включая перестройку М.Горбачева, номинклатурно-демократическую революцию Б.Ельцина и постреволюционный режим В.Путина декларировали в качестве своей основной стратегической цели вывод страны на современный уровень развития.

А что такое «современный уровень развития» и правильно ли вообще оценивать процесс постиндустриального развития цивилизации в рамках достаточно статичной уровневой модели?

Постоянно нарастающая со второй половины XX века динамизация процессов трансформации всего спектра отношений в социуме позволяет

говорить уже не столь о новом, современном уровне развития цивилизации, сколь о формировании нового пути ее развития, а еще точнее – нового динамично трансформирующегося коридора траекторий постиндустриального развития. В данном случае уместно говорить именно о пространственном коридоре постиндустриального развития, так как лежащие в нем собственные траектории развития отдельных государств, совпадающие в основополагающих трендах такого цивилизационного развития и образующие в этом смысле единый поток, не являются абсолютно идентичными в силу различий специфических для каждого государства связей и институционального строения социальных полей, нормативистики, политико-культурных стереотипов, базовых технологий конкуренции и власти, способов политического обеспечения интеграции социума.

Этот современный путь развития человеческой цивилизации С.Юшенков достаточно обосновано предлагает определять как постзападный, как «путь (на который человечество фактически уже вступило), представляющий собой сплав восточных и западных ценностей в поисках ответа на вызовы глобального характера»[2].

На наш взгляд, начавшийся переход на новый постзападный путь цивилизационного развития предопределили феномены, проявившиеся во второй половине XX века как результат индустриального развития.

В политической идеологии доминирующие позиции занял либерализм, который как система политических целей воплотился в реальной жизни индустриально развитых, прежде всего западных стран. При этом он все более стал приобретать характер не столько четкой политической программы, сколько мироощущения, мировоззрения, смысловых ориентаций более общего характера, в котором на первый план выходят его обобщенные идеалы и культурные принципы – права и свободы личности, правовое равенство и высокая политическая ответственность граждан, свобода частной собственности, договорная природа государства, конституционализм, религиозная веротерпимость, плюрализм и конкуренция. Эти

основополагающие ценности либерализма обусловили коренное изменение в массовых политических воззрениях во многих странах мира, легли в основу многих национальных идеологий, ориентиров неоконсерватизма и христианско-демократической идеологии, существенно повлияли на философские установки социал-демократии.[3] Исторические изменения, вызванные влиянием либерально-демократических ценностей, позволили Ф.Фукуяме предположить, что «то, чему мы, вероятно, свидетели, - не просто конец холодной войны или периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»[4]. В этом смысле «конец истории» может рассматриваться как некая идеальная цель постзападного развития цивилизации, суть которой в универсализации государств, воплощающих в регулировании жизнедеятельности социума принципы либеральной идеологии и потому способных решить все фундаментальные проблемы человечества.

Закрепление демократии как основополагающей формы организации политической жизни и существенное повышение в результате индустриального развития уровня материального благосостояния населения в развитых странах породило феномен, который Х.Ортега-и-Гассет назвал «восстание масс», особо акцентируя внимание на тех угрозах, которые этот феномен таит для породившей его демократии и поступательного развития цивилизации, но и отдавая ему должное как исторически обусловленному предвестнику кардинальных изменений в развитии цивилизации– «восстание масс может предвещать переход к новой, еще неведомой организации человечества; может и привести к катастрофе»[5].

Транзитологический смысл этого явления, порожденного либеральной демократией и индустриализацией, состоит в том, что огромные социальные массы получили доступ практически ко всем достижениям цивилизации, политические права и свободы, принципиально новые, более комфортные условия жизни и широкие возможности индивидуального выбора. На этой

основе началась коренная трансформация связей в социуме, разрушение его классовой структуры, сословных перегородок, изменение положения групп и индивидов по отношению к власти и доминирующим фактором политического и социально-экономического развития стал средний слой общества со всеми его достоинствами и недостатками. В морально-нравственном аспекте цивилизационного развития ключевым является то, что суверенитет любого индивида, человека как такового перестал быть абстрактным идеалом, отвлеченной правовой идеей, а стал осознанным жизненным принципом для широких социальных слоев.

При этом, как постоянно подчеркивает в своей работе Х.Ортега-и-Гассет, произошел подъем исторического уровня, огромный рост жизненных возможностей, жизненной потенции человеческой цивилизации. Огромная масса социальной энергии вырвалась на поверхность, но, не являясь еще достаточно упорядоченной в целях поступательного цивилизационного развития, она несет большой как созидательный, так и разрушительный потенциал, делая жизнь более живой, напряженной, насыщенной, но и более проблематичной.

Одна из таких проблем в поле политики, существенно значимая как для государств уже вступивших на путь постзападного развития, так и для переходных, к которым относится Россия, состоит в то, что при переходе власти в обществе к широким социальным массам начали проявляться не столько дефекты демократии как формы организации политической жизни, сколько дефекты, связанные с абсолютизацией ее избирательного принципа и партийного механизма, о чем М.Острогорский писал еще в начале прошлого века[6]. По его мнению, которое подтверждается мировой практикой политических трансформаций XX века, включая и российский транзит, действенность избирательного принципа в политическом управлении существенно ограничена и ошибочным является утверждения о том, что чем шире применяется избирательный способ в государственной организации, тем больше свободы. Слишком разветвленная избирательная система

является лишь чисто формальным атрибутом демократии и фактически приводит к тому, что народ вместо усиления своей власти ее распыляет и в конечном счете теряет. Партийный механизм, основанный на ограниченном числе традиционных партий с партийными программами, являющимися «верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правоверности и иноверия», и стандартными построениями организационных структур, детально исследованными М.Дюверже[7], особенно при двухпартийной системе, перестает эффективно выполнять функцию политического посредника между обществом и властью. Партийные организации, как отмечает М.Острогорский, бюрократизируются и «соединяются с государством с сомнительной пользой для общественного блага и в ущерб элементарным принципам, регулирующим взаимоотношения между государством и гражданами». Включение в партийный механизм избирательного принципа не ослабляет указанные недостатки, а лишь усиливает их, маскируя под демократическими принципами реакционные тенденции.

Абсолютизация избирательного принципа и огосударствление партийного механизма предоставляют правящим элитам широкие возможности для манипулирования волеизъявлением граждан и общественным мнением, создают благоприятную почву для использования ими административного принуждения под прикрытием демократии.

Другая существенная проблема, обусловленная «восстанием масс» - падение культурного и нравственного уровня населения, следствием чего является эрозия либеральных установлений и принципов. Распространение массовой культуры невысокого морально-нравственного и эстетического уровня и вульгаризация политического сознания являются негативными последствиями в целом положительной цивилизационной тенденции выравнивание прав, материального благосостояния, культуры, классов, полов.

Возникновение реального сплава западных и восточных ценностей не только в теоретических разработках ученых, в идеологических воззрениях политических элит, но и в повседневной жизни простых людей, во многом, связано с резким повышением «миграционной мобильности человечества», предоставленной индустриальными транспортными технологиями возможностью быстро перемещать практически в любую точку планеты сырьевые, энергетические, финансовые и иные материальные ресурсы, но, прежде всего, конкретного человека. Существенная часть населения многих как индустриально развитых, так и переходных стран получила возможность не через опосредованные другими людьми знания и информацию, а непосредственно через свои органы чувств познавать и рефлексивно оценивать иной, чем их собственный образ жизни, иные системы морально-нравственных ценностей, иное мировоззрение и вероисповедание, культуру, исторические обычаи и традиции, различные подходы к организации политической и хозяйственной деятельности, государства и общества.

Результатом повышения миграционной мобильности и либерализации миграционной политики стало появление практически во всех индустриально развитых странах постоянно расширяющихся диаспор представителей других континентов и стран, этнических, национально-культурных и религиозных групп, постепенное, хотя и достаточно трудное вхождение отдельных представителей таких диаспор в политические и иные элиты их новых стран обитания. Процесс взаимного проникновения Запада и Востока, Севера и Юга, естественно не безмятежный, а сопряженный с возникновением новых противоречий и конфликтных зон в социуме, получил таким образом возможность своей практической реализации на самом массовом и устойчивом уровне - уровне межличностных общений и отношений.

Начинающееся выравнивание стран и континентов, усиление их взаимопроникновения создает условия для того, чтобы каждый индивидуум,

каждый средний человек получил практическую возможность принимать участие в жизни всей планеты.

По оценкам многих российских и зарубежных ученых доминирующую роль в наметившихся тенденциях постзападного развития цивилизации сыграл феномен происходящей в конце XX – начале XXI века информационной революции, рассматриваемой А.Тоффлером в его концепции «трех волн» в качестве последней в ряду трех великих технологических революций (аграрная, индустриальная, информационная)[8].

Результатом этой революции становится вступление человечества в эпоху информационной цивилизации, постепенный переход к новому типу социальной организации человеческой жизнедеятельности – информационному обществу.[9] Как отмечает Р.Абдеев «информация превращается в глобальный, в принципе неистощимый ресурс человечества, вступившего в новую эпоху развития цивилизации – эпоху интенсивного освоения этого ресурса и «неслыханных возможностей» феномена управления»[10].

Формирующееся постзападное общество имеет информационную природу, поскольку оно в целом строится на всеобщем кодифицированном знании и синергетической информации, циркулирующей в открытых системах. Его можно определить как общество, в котором экономическое развитие, социальные изменения, качество и образ жизни в решающей мере зависят от использования научного знания, способа эксплуатации информации и характера информационно-коммуникативных процессов. При этом качественные изменения происходят и в системе представительства гражданских интересов, формах и стиле государственного управления, в соотношении ветвей власти, означающие постепенный, но неуклонный выход на первый план именно информационной власти, обретающей приоритетное значение по сравнению с административными, политическими, экономическими и другими разновидностями регулирования социальных процессов.

Активное и эффективное использование практически неограниченных информационных ресурсов и внедрение постоянно совершенствующихся информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности социума позволяет получить существенную экономию других видов ресурсов (сырья, энергии, полезных ископаемых, материалов и оборудования, людских ресурсов, социального времени) не только в развитых индустриальных, но и переходных странах, может существенно содействовать решению глобальных проблем человечества и, прежде всего, связанных с необходимостью преодоления кризисных явлений, поиска ответов на глобальные вызовы.

В ближайшее время информационное общество станет безусловной реальностью для высокоразвитых индустриальных стран, а для других, прежде всего переходных, содержащих и иные траектории социального и политического движения – ориентиром развития.

В силу исторически обусловленной неоднородности пространственных и темпоральных свойств поля политики особенно в планетарном масштабе указанные выше феномены проявлялись и проявляются на разных континентах и в разных странах естественно не одновременно и с различными национально-страновыми особенностями, раньше и более интенсивно на Западе, чем на Востоке, на Севере, чем на Юге.

Неразрывно связанную в единое целое систему граничных условий пространственного коридора постзападного развития, ограничивающую его гибкую оболочку определяют такие системообразующие цивилизационные факторы, как либеральные морально-нравственные принципы и идеалы, основанные на приоритете прав и свобод личности; экономическая деятельность, основанная на праве частной собственности, либерализации и глобализации (интернационализации) рыночных отношений, инновационно-конкуретном содружестве акторов социально и экологически ориентированного рынка; политическая система демократического типа, способствующая свободному развитию гражданского общества и

формированию государственной власти, ориентированной на оказание услуг населению; открытое информационное пространство, в котором посредствам сетевой информационно-коммуникационной инфраструктуры обеспечивается свобода массового обмена информацией и массовых коммуникаций, включая трансграничные.

Если правящий в государстве политический режим не обеспечивает практическую, а не декларируемую реализацию хотя бы одного из перечисленных системообразующих факторов, то траектория развития такого государства как совокупность процессов трансформаций общественных отношений, не вписывается в коридор постзападного цивилизационного развития. И если в данном случае уместна аналогия с природными явлениями, то развитие такого государства можно уподобить речке, протекающей по засушливой местности под постоянной угрозой пересыхания, в то время как рядом несется полноводное океаническое течение магистрального развития человеческой цивилизации.

На наш взгляд задачу транзита переходных государств, желающих занять достойное место в мировом сообществе, следует рассматривать как задачу формирования такой траектории трансформаций связей в социуме, которая обеспечивает оптимальное с учетом национально-страновой специфики вхождение в коридор постзападного цивилизационного развития. Под оптимальностью в данном случае следует понимать то, что должно обеспечиваться не только вхождения в этот коридор, но одновременно и попадание в динамично изменяющуюся область конкурентно-инновационного сотрудничества государств, лидирующих на пути постзападного развития. Последнее условие оптимальности обусловлено тем, что скорости постзападного развития настолько высоки, что отставание от лидирующей группы, даже уже находясь внутри коридора, преодолеть чрезвычайно сложно.

В современных условиях траектории транзита переходных государств, в том числе и российского транзита, формируются под воздействием

совокупного влияния таких наиболее значимых мега-тенденций как традиционализм, модернизм и постмодернизм. В современной политической науке «постмодерн», который в рассматриваемом контексте соответствует направлению постзападного развития цивилизации, определяется как историческая стадия развития социума, характеризующая доминирование в общественных отношениях укладов и структур, базирующихся на использовании передовых информационных технологий.

Если использовать существенно упрощенную геометрическую интерпретацию задачи формирования траектории транзита переходного государства, то формирование такой траектории происходит в пространстве, направляющие, условно взаимно перпендикулярные векторы которого соответствуют трем указанным мега-тенденциям. При этом осью пространственного коридора постзападного цивилизационного развития является соответствующий направляющий вектор, условно ортогональный плоскости «традиционализм – модернизм».

Выход индустриально развитых государств на путь постзападного развития в исторически обусловленной последовательности можно рассматривать как выполнение двух «плоских» поворотов: сначала в плоскости «традиционализм – модернизм» при отсутствии мега-тенденции постмодерна, а затем в плоскости «модернизм – постмодернизм». Задача транзита переходных государств представляется более комплексной, так как в современных условиях одновременного действия всех трех мега-тенденций его оптимальная в указанном выше понимании траектория принципиально должна формироваться как пространственная, что существенно усложняет способы политического управления транзитом и конфигурацию власти, способной его реализовать в таком виде.

Здесь, на наш взгляд, уместно остановиться на проблеме догоняющего развития или догоняющей цивилизации, которую в контексте российской истории Е.Гайдар определил как возможный ответ на европейский вызов, суть которого в попытке «перенимать не структуры, воспроизводящие

экономический рост, а только его результаты, идя при этом «своим путем»; опереться на силу Московского государства, хорошо пришпорить покорное общество, выжать из него как можно больше ресурсов, используя государственные структуры для экономического скачка, для преодоления отставания»[11]. В контексте выхода на постзападный путь развития такая цивилизация не представляется даже догоняющей, так как она и не предполагает обеспечение ни отдельно, ни тем более в совокупности его системообразующих идеологических, экономических, политических и информационных факторов, в результате чего траектория ее развития будет всегда располагаться вне постзападного цивилизационного коридора.

В контексте перехода к постзападной цивилизации к типу догоняющих, на наш взгляд, следует относить развитие, предполагающее в основном повторение пути пройденного индустриально развитыми странами, то есть последовательную реализацию преобразований от традиционализма к модернизму и лишь затем преобразований, обеспечивающих выход на постзападный путь. Такая траектория, очевидно, не будет близка к оптимальной, так как всегда будет иметь место существенное отставание от лидирующих на этом пути государств, даже несмотря на возможности резкой динамизации процессов транзита в современных условиях.

Естественно, предлагаемая геометрическая интерпретация является предельно упрощенной и схематичной, но она, на наш взгляд, позволяет достаточно наглядно представить и ощутить масштабность и сложность решения задачи выхода на постзападный путь развития, стоящей перед российским социумом.

Сегодня Россия, как это ни банально, в очередной раз уподобилась герою русской сказки о молодильных яблоках и живой воде, призадумавшемуся на распутье трех дорог: налево – традиционализм, направо – модернизм, прямо – неизведанный путь постзападной цивилизации. (Видимо, в этом часто используемом образе и очень

символичном названии сказки скрыт некий потаенный, самобытный смысл российской истории.)

В чем же сегодня заключаются проблемы российского транзита и какой путь выберет Россия?

Вот как оценивает сложившуюся ситуацию с позиций современной политической науки А.Соловьев.[12] В силу явного несовпадения прокламируемых традиционализмом установок с общемировой динамикой социальной эволюции, политические последствия данной тенденции обуславливают явную склонность Российского государства к автаркии, политическому самозакукливанию, выпадению из современности. Преодоление или как минимум купирование такой тенденции предполагает сосредоточение усилий власти и заинтересованных в демократическом развитии общества сил на решение двоякой задачи: частичного и по возможности более мягкого встраивания архаики в процесс общественных преобразований, а также постепенную трансформацию ведущих стереотипов массового сознания и политической культуры. Рассмотрение практики трансформаций российского транзита через призму мега-тенденций позволяет достаточно уверенно констатировать, что преобразования в отечественной политии не должны и не могут руководствоваться одной лишь логикой модернизации, т.е. целенаправленного преодоления традиционализма и осуществления преобразований в духе неважно какой «стагнирующей», «рецидивирующей» или «продвинутой» модели. Стратегия российской трансформации должна неизменно включать и критерии более перспективного порядка, ориентирующие государство и общество на только еще выстраиваемые, но уже демонстрирующие свою мощь мировые политические порядки. С приведенными оценками трудно не согласится.

В аспекте процессов трансформации системообразующих указанные мега-тенденции идеологических, экономических, политических и информационных факторов практика развития российского транзита после августовских событий 1991 года представляется в следующем виде.

Номенклатурно-демократический политический режим Б.Ельцина стремился двигаться по пути модернизации для скорейшего преодоления традиционализма, который в ожесточенном противостоянии модернизму в дополнение к коммунистической стал приобретать националистическую и имперскую окраску.

Существенно значимым шагом в направлении модернизации стало принятие новой, во многом либерально ориентированной Конституция России, на основе которой был создать каркас политической системы демократического типа в форме президентско-парламентской республики. Начался процесс формирования рыночных механизмов в экономике и либерализации информационного пространства, в основном, в сфере средств массовой информации. Однако при этом решение задач трансформации морально-нравственных принципов и идеалов российского общества, национальной идеологии, формирования гражданского общества и многопартийной системы, способных обеспечить реальное функционирование демократического политического режима, а не просто формальное юридическое построение политической системы демократического типа, было фактически отодвинуто на второй план и во многом пущено на самотек. Об этих существенно значимых задачах транзита правящая элита, состоящая из гремучей смеси части старой государственной и партийной бюрократии, олигархических группировок и пришедших во власть на революционной волне либерально ориентированных экономистов и государственных управляющих нового поколения, вспоминала только в моменты обострения противостояния с оппозицией, стремящейся вернуть страну на традиционалистский путь развития, и при проведении избирательных кампаний.

Режим Б.Ельцина проводил курс, в первую очередь, ускоренной модернизации экономики с использованием методов властного принуждения и, в основном, административного управления, в меньшей степени заботился о необходимости трансформации других системообразующих

цивилизационных факторов, определяющих траекторию российского транзита. При этом у значительной части российского социума, а не только у оппозиции и исторически и идеологически связанной с нею части государственной бюрократии, продолжали доминировать традиционалистские умонастроения, что существенно тормозило модернизацию, искажало не только ее результаты, но часто и целевые установки. В результате существенного отставания модернизации в идеологической и политической сферах от модернизации в сфере экономики в российском транзите стали отчетливо проявляться черты «делегативной демократии» и рыночной экономики государственно-олигархического типа. Начал развиваться кризис «проникновения», свидетельствующий о невозможности правящего режима полностью реализовать свои решения не только в сфере экономики, но и в других сферах общественной жизни. Обострились такие типовые для начального этапа модернизации конфликты, как: кризис легитимности, выражающийся в рассогласовании целей и ценностей правящего режима с представлениями основной части граждан о необходимых формах и средствах политического регулирования; кризис идентичности, обуславливающий поиск людьми новых духовных ориентиров, идеалов и ценностей для осознания своего места в обществе и связей с государством; кризис распределения культурных и материальных благ, связанный с качественным изменением стандартов и способов потребления, ростом социальных ожиданий граждан, а также кризис их участия в политических процессах.

Политический режим Б.Ельцина расположил траекторию российского транзита в плоскости модернизации, перехода от традиционализма к модернизму. Расплывчатый идеологический фактор трансформации не обеспечивал политическую интеграцию и мобилизацию социума, плохо воспринимался российским обществом, в основной массе ориентированным на ценности традиционализма, морально-нравственные устои и культурные стимулы общества оказались размытыми, что приводило к существенным

издержкам и потерям в начавшемся процессе модернизации экономике. Процесс формирования политической системы, основанной при демократии не только на избирательном принципе, но и на механизме многопартийности, застопорился на начальном этапе. Информационная сфера государственной власти оставалась в основном закрытой для общества, а вырвавшийся было на свободу рынок средств массовой информации вследствие того, что экономический механизм его функционирования не был в должной мере законодательно урегулирован, оказался заложником корпоративного размежевания элитных группировок, между которыми периодически вспыхивали информационные войны с использованием подконтрольных им СМИ. Создание открытого гражданского общества было провозглашено, но практически так и не началось.

Мировые тенденции постзападного развития цивилизации вследствие погруженности правящего режима в его внутренние проблемы, связанные, прежде всего, со стремлением удержать власть, не оказывали заметного влияния на российский транзит, который в целом был ориентирован на догоняющее развитие в определенном выше смысле.

Новый политический режим В.Путина еще только нащупывает свою интерпретацию российского транзита, но тем не менее некоторые проектируемые им тенденции уже обозначились.

Используя высокой уровень поддержки в обществе, обусловленный его психологической усталостью от предыдущего режима и ростом социальных ожиданий, а также благоприятные внешнеэкономические условия, прежде всего, высокие мировые цены на энергоносители, режим В.Путина не столько действительно начал практически значимую реализацию, сколько эффектно в плане политической рекламистики обозначил в законодательном поле очередное ускорение модернизации экономики, в которой при этом роль главного актора рыночных отношений отводится государству. Этим он привлек на свою сторону либерально ориентированные в экономической

сфере элитные группы, приверженцев как «западного», так и «особого» пути модернизации.

Придавая существенно большее, чем предыдущий режим значение идеологическому фактору и стремясь перехватить инициативу в этой сфере у левой оппозиции, правящий режим начал обозначать свою приверженность некоторым ценностям традиционализма и, прежде всего, этатизму. Можно предположить, что именно этатизм в осовремененном виде начинает постепенно внедрятся в массовое сознание в качестве национальной идеологии с целью укрепления базы массовой поддержки режима.

Указанная идеологическая тенденция и предопределила начавшуюся со стороны государства монополизацию информационного рынка, прежде всего, в секторе электронных СМИ, активное вытеснение с этого рынка его контрагентов, стремящихся по тем или иным причинам конкурировать с государством в информационной сфере. При этом исключительно в этой сфере правящий режим начинает активно использовать новые технологии постзападной цивилизации и, в первую очередь, их манипулятивные возможности, перенося акцент своих усилий, как отмечает в уже упомянутой статье А.Соловьев, на сознательное конструирование мотивирующих массовое поведение образов, формирующих политическую гиперреальность; поощрение строительства не горизонтальных связей гражданского общества, а вертикальных отношений массового общества; нахождение наиболее эффективных информационных технологий обеспечения связи власти с населением взамен поиска наиболее действенных организационных структур демократии. Вместо стремления реализовать политическую версию постзападной цивилизации на российскую политическую сцену переносятся «черные» технологии, усиливающие манипулятивный потенциал власти, возможности узкогруппового использования правящими элитами их информационных преимуществ в корыстных целях, например для реализации проектов в сфере государственного предпринимательства.

В сфере конструирования политической системы режим В.Путина взял курс на законодательную формализацию партийного строительства под жестким государственным контролем с целью создание двух или трехпартийной системы, функционирующей в режиме управляемой демократии, и вытеснения нонконформистских политических сил в маргинальную кулису российской политической сцены. При этом в избирательном процессе наблюдается значительное усиление манипулятивных тенденций, повышение влияния на результат факта наличия у кандидатов административного ресурса и связей с властвующими элитами. Последствия для демократии такой стратегии, диаметрально противоположной современным тенденциям в мировых политических порядках, достаточно очевидны.

В целом, проектируемая режимом В.Путина интерпретация российского транзита сохраняет направленность на догоняющее развитие, но наметившиеся тенденции трансформаций в идеологической, политической и информационной сферах, в которых просматриваются черты нового российского этатизма, ориентированного на национал-либерализм, способны вывести его на такую траекторию, которая чревата серьезными политическими катаклизмами или, не дай Бог, национальной катастрофой. Эти тенденции невольно вызывают ассоциации с политическими процессами, происходившими в первой половине XX века в таких странах, как Италия, Германия и Япония, а во второй – в Чили.

Сегодня в поле российской политике действуют в основном различные политические анклавы, демонстрирующие преобладающее влияние как традиционализма, так и модернизма в его интерпретации в широком спектре от социал-демократической до национал-либеральной. Политические анклавы, ориентированные на постзападную цивилизации, на российской политической сцене пока еще в явном виде не присутствуют, хотя отдельные элементы этой мега-тенденции уже начали проявляться в российском социуме.

Для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию наметившихся негативных тенденций в трансформации социальных и политических отношений и повернуть траекторию российского транзита в направлении оптимального выхода на путь постзападного развития цивилизации, России необходима новая, вторая волна демократии, ориентированной на либеральные ценности, создание влиятельной нонконформистской политической силы, способной реально решать такую задачу.

---

[1] См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

[2] См.: Юшенков С.Н. Постзападная цивилизация – путь для России и всего человечества //Демократический Выбор. – 2001. - №31(263).

[3] См.: Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2001.

[4] Фукуяма Ф. Конец истории? //Вопросы философии. – 1990. - №3. – с.134.

[5] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс //Вопросы философии. – 1989. - №3 - с.146.

[6] См.: Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

[7] См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

[8] См.: Toffler A. The third wave. N.-Y.: Morrow, 1980.

[9] См.: Martin W.J. The information Society. L., 1988; Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I-III. Oxford, 1996-1998; Моисеев Н.Н. Информационное общество как этап новейшей истории //Межотраслевая информационная служба. – 1995. - №4 и другие.

[10] Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. – с.7.

[11] Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. – с.52

[12] См.: Соловьев А.И. Мега-тенденции российской политики //Власть. – 2000. - №8.

Опубликовано: Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее /Под общей редакцией Юшенкова С.Н. – М.: Новый фактор, 2002. – с.247-260.